

191	0159-01	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 1 «Меж голосом и эхом»
192	0159-02	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 2 "В темноте"
193	0159-03	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 3 "Рождественский гусь"
194	0159-04	ИОСИФ БРОДСКИЙ	"Чистосердечный дар"	Часть 4 "Для суетности века"

Часть 2 «В ТЕМНОТЕ»

1(25). Ах, улыбнись вослед	- 2.29
2(26). Вослед тебе глядя	- 1.25
3(27). На прощанье	- 2.56
4(28). Да будет	- 1.12
5(29). Рождественский романс	- 2.05
6(30). Глава 1	- 1.35
7(31). Приходит время	- 1.47
8(32). Кенар и лиса	- 1.34
9(33). Скрип телег	- 0.59
10(34). Камера	- 0.53
11(35). Надежды беззубие	- 2.04
12(36). Не забывай никогда	- 1.17
13(37). Муза и Время	- 1.20
14(38). Время этих песен	- 2.49
15(39). Пустыни талисман	- 1.38
16(40). Я был	- 1.45
17(41). От рая к аду	- 2.15
18(42). В темноте	- 2.20
19(43). Почти элегия	- 1.44
20(44). Я добыча твоя	- 2.07
21(45). Номинально пустынный	- 1.31
22(46). Страх	- 0.46
23(47). Не будь дураком!	- 2.28
24(48). Пой же, поэт	- 1.18
25(49). Элегия-2	- 1.48

Общее время звучания – 44.05

Общее время звучания – 179.32

СОДЕРЖАНИЕ

1. АХ, УЛЫБНИСЬ ВОСЛЕД

Ах улыбнись, ах, улыбнись вослед, взмахни рукой,
Недалеко, за цинковой рекой,
ах, улыбнись в оставленных домах.
Я различу на улицах твой взмах.

Недалеко, за цинковой рекой,
где стекла дребезжат наперебой
и в полдень нагреваются мосты,
тебе уже не покупать цветы.

Ах, улыбнись в оставленных домах,
Где ты живешь среди вороха бумаг
и запаха увянувших цветов,
мне не найти оставленных следов.

Я различу на улицах твой взмах,
как хорошо в оставленных домах
любить других и находить других,
из комнат, бесконечно дорогих,
любовью умолкающей дыша,
навек уйти, куда-нибудь спеша.

Ах, улыбнись, ах, улыбнись вослед, взмахни рукой,
когда на миг все люди замолчат,
недалеко за цинковой рекой
твои шаги на целый мир звучат.
Останься на нагревшемся мосту,
роняй цветы в ночную пустоту,
когда река, блестя из темноты,
всю ночь несет в Голландию цветы.

2. ВОСЛЕД ТЕБЕ ГЛЯДЯ

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
щепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.

И чудо свершится. Зане чудеса,
к земле тяготeya, хранят адреса,
настолько добаться стремясь до конца,
что даже в пустыне находят жильца.

А если ты дом покидаешь — включи
звезду на прощанье в четыре свечи,
чтоб мир без вещей освещала она,
вослед тебе глядя, во все времена.

3. НА ПРОЩАНЬЕ

1

На прощанье — ни звука.
Граммoфон за стеной.
В этом мире разлука —
лишь прообраз иной,
Ибо врозь, а не подле
мало веки смежать
вплоть до смерти. И после
нам не вместе лежать.

II

Кто бы ни был виновен,
но, идя на правeж,
воздаяния вровень
с невиновным не ждeшь.
Тем верней расстаeмся,
что имеем в виду,

что в Раю не сойдемся,
не столкнемся в Аду.

III

Как подзол раздирает
бороздою соха,
правога разделяет
беспощадней греха.
Не вина, но оплошность
разбивает стекло.
Что скорбеть, расколовшись,
что вино утекло?

IV

Чем тесней единенье,
тем кромешней разрыв.
Не спасет затемненья
ни рапид, ни наплыв.
В нашей твердости толка
больше нету. В чести —
одаренность осколка
жизнь сосуда вести.

V

Наполняйся же хмелем,
осушайся до дна.
Только емкость поделим,
но не крепость вина.
Да и я не загублен,
даже ежели впредь,
кроме сходства зазубрин,
общих черт не узреть.

VI

Нет деленья на чуждых.
Есть граница стыда
в виде разницы в чувствах
при словце «никогда».
Так скорбим, но хороним,
переходим к делам,
чтобы смерть, как синоним,
разделить пополам.

VIII

Невозможность свиданья
превращает страну
в вариант мирозданья,
хоть она в ширину,

завидушая к славе,
не уступит любой
залетейской державе;
превзойдет голытьбой.

IX

Что ж без пользы неволишь
уничтожить следы?
Эти строки всего лишь
подголосок беды.
Обрастание сплетней
подтверждает к тому ж:
расставанье заметней,
чем слияние душ.

XI

И, чтоб гончим не выдал
— ни моим, ни твоим —
адрес мой — храпоидол
или твой — херувим,
на прощанье — ни звука;
только хор Аонид.
Так посмертная мука
и при жизни саднит.

4. ДА БУДЕТ

Прощай, позабуди и не обессуди.
А письма сожги, как мост.
Да будет мужественным твой путь,
да будет он прям и прост.
Да будет во мгле для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда ладони греть
у твоего костра.
Да будут метели, снега, дожди
и бешеный рев огня,
да будет удач у тебя впереди
больше, чем у меня.
Да будет могуч и прекрасен бой,
гремящий в твоей груди.

Я счастлив за тех, которым с тобой,
может быть, по пути.

5. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ РОМАНС

Плывет в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу желтую похожий,

над головой своих любимых,
у ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
пчелиный хор сомнамбул, пьяниц.
В ночной столице фотоснимок
печально сделал иностранец,
и выезжает на Ордынку
такси с больными седоками,
и мертвецы стоят в обнимку
с особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
певец печальный по столице,
стоит у лавки керосинной
печальный дворник круглолицый,
спешит по улице невзрачной
любовник старый и красивый.
Полночный поезд новобрачный
плывет в тоске необъяснимой.

Плывет во мгле замоскворецкой
пловец в несчастье случайный,
блуждает выговор еврейский
на желтой лестнице печальной,
и от любви до невеселья
под Новый год, под воскресенье,
плывет красotka записная,
своей тоски не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних,
и пахнет сладкою халвою,
ночной пирог несет сочельник
над головою.

Твой Новый год по темно-синей
волне среди шума городского
плывет в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнется снова,
как будто будут свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнется вправо,
качнувшись влево.

6. ГЛАВА 1

Когда-нибудь, болтливый умник,
среди знакомств пройдет зима,
когда в Москве от узких улиц
сойду когда-нибудь с ума,

на шумной родине балтийской
 среди худой полувесны
 протарахтят полуботинки
 по лестнице полувойны,

и дверь откроется. О, память,
 смотри, как улица пуста,
 один асфальт под каблуками,
 наклон Литейного моста.

И в этом ровном полусвете
 смешенья равных непогод
 не дай нам Бог кого-то встретить,
 ужасен будет пешеход.

И с криком сдавленным обратно
 ты сразу бросишься, вослед
 его шаги и крик в парадном,
 дома стоят, парадных нет,

да город этот ли? Не этот,
 здесь не поймают, не убьют,
 сойдут с ума, сведут к поэту,
 тепло, предательство, приют.

7. ПРИХОДИТ ВРЕМЯ СОЖАЛЕНИЙ

Приходит время сожалений.
 При полусвете фонарей,
 при полумраке озарений
 не узнавать учителей.

Так что-то движется меж нами,
 живет, живет, отговорив,
 и, побеждая временами,
 зовет любовников своих.

И вся-то жизнь – биенье сердца,
 и говор фраз, да плеск вины,
 и ночь над лодочкою секса
 по светлой речке тишины.

Простимся, позднее творенье
 моих навязчивых щедрот,
 побед унылое паренье
 и утлой нежности полет.

О Господи, что движет миром,
 пока мы слабо говорим,
 что движет образом немилым
 и дышит обликом моим.

Затем, чтоб с темного газона

от унижительных утрат
сметать межвременные зерна
на победительный асфальт.

О, все приходит понемногу
и говорит – живи, живи.
Кружи, кружи передо мною
безумным навыком любви.

Свети на горестный посев,
фонарь сегодняшней печали,
и пожимай во тьме плечами,
и сокрушайся обо всех.

8. КЕНАР И ЛИСА

Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою.
И она скукоживается на глазах, под рукою.
Зеленая нитка, следом за голубою,
становится серой, коричневой, никакою.
Уж и крашек, вроде, виден того батиста.
Ни один живописец не напишет конец аллеи.
Знать, от стирки платье невесты быстрее садится,
да и тело не делается белее.
То ли сыр пересох, то ли дыханье сперло.
Либо: птица в профиль ворона, а сердцем — кенар.
Но простая лиса, перегрызая горло,
не разбирает, где кровь, где тенор.

9. СКРИП ТЕЛЕГ

Скрип телег тем сильней,
чем больше вокруг теней,
сильней, чем дальше они
от колючей стерни.
Из колеи в колею
дерут они глотку свою
тем громче, чем дальше луг,
чем гуще листва вокруг.

Вершина голой ольхи
и желтых берез верхи
видят, уняв озноб,
как смотрит связанный сноп
в чистый небесный свод.
Опять коряга, и вот
деревья слышат не птиц,
а скрип деревянных спиц
и громкую брань возниц.

10. КАМЕРА

Сквозь намордник пройдя, как игла,
и по нарам разлившись, как яд,
холод вытеснит ночь из угла,
чтобы мог соскочить я в квадрат.

Но до этого мысленный взор
сонмы линий и ромбов гурьбу
заселяет в цементный простор
так, что пот выступает на лбу.

Как повсюду на свете — и тут
каждый ломтик пространства велит
столь же тщательно выбрать маршрут,
как тропинку в саду Гесперид.

11. НАДЕЖДЫ БЕЗЗУБИЕ

Как тюремный засов
разрешается звоном от бремени,
от калмыцких усов
над улыбкой прошедшего времени,
так в ночной темноте,
обнажая надежды беззубие,
по версте, по версте
отступает любовь от безумия.

И разинутый рот
до ушей раздвигая беспамятством,
как садок для щедрот
временным и пространственным пьяницам,
что в горящем доме,
ухитряясь дрожать под заплатами
и уставясь во тьму,
заедают версту циферблатами, -
боль разлуки с тобой
вытесняет действительность равную
не печальной судьбой,
а простой Архимедовой правдою.

Через гордый язык,
хоронясь от законности с тщанием,
от сердечных музык
пробираются память с молчанием
в мой последний пенат —
то ль слезинка, то ль веточка вербная, -
и тебе не понять,
да и мне не расслышать, наверное,
то ли вправду звенит тишина,
как на Стиксе уключина.
То ли песня навзрыд сложена
и посмертно заучена.

12. НЕ ЗАБЫВАЙ НИКОГДА

Не забывай никогда,
как хлещет в пристань вода
и как воздух упруг —
как спасательный круг.

А рядом чайки галдят
и яхты в небо глядят,
и тучи вверху летят,
словно стая утят.

Пусть же в сердце твоём,
как рыба бьётся живьём
и трепещет обрывок
нашей жизни вдвоём.

Пусть слышится устриц хруст,
пусть топорщится куст.
И пусть тебе помогает
страсть, достигшая уст,
понять без помощи слов,
как пена морских валов,
достигая земли,
рождает гребни вдали.

13. МУЗА И ВРЕМЯ

Ты, Муза, недоверчива к любви,
хотя сама и связана союзом
со Временем (попробуй разорви!).
А Время, недоверчивое к Музам,
Щедрей последних, на беду мою
(тут щедрость не уступит аппетитам).
И если я любимую пою,
то не твоим я пользуюсь кредитом.

Не путай одинаковые дни
и рифмы. Потерпи, повремени!
А Время уж не спутает границ!
Но, может быть, хоть рифмы воскрешая,
вернет меня любимой, арку птиц
над ней то возводя, то разрушая.

14. ВРЕМЯ ЭТИХ ПЕСЕН

Ну, время песен о любви, ты вновь
склоняешь сердце к тикающей лире,
и все слышней в разноголосном клире
щебечет силлабическая кровь.
Из всех стихослагателей, со мной
столь грозно обращаешься ты с первым
и бьешь календарем своим по нервам,
споласкивая легкие слюной.

Ну, время песен о любви, начнем
раскачивать венозные деревья
и возгонять дыхание по плевре,
как пламя в позвоночнике печном.
И сердце пусть из пурпурных глубин
на помощь воспаленному рассудку —

артерии пожарные враскрутку! —
возгонит свой густой гемоглобин.

Я одинок. Я сильно одинок.
Как смоква на холмах Генисарета.
В ночи не украшает табурета
ни юбка, ни подвязки, ни чулок.
Ища простой женоподобный холм,
зрачки мои в анархии бессонной
бушуют, как прожекторы над зоной,
от мужеских отталкиваясь форм.

Кто? Бог любви? Иль Вечность? Или Ад
тебя послал мне, время этих песен?
Но все равно твой календарь столь тесен,
что стрелки превосходят циферблат,
смыкаясь (начинается! не в срок!),
как в тесноте, где комкается платье,
в немислимое тесное объятие,
чьи локти вылезают за порог.

15. ПУСТЫНИ ТАЛИСМАН

Не надо обо мне. Не надо ни о ком.
Заботься о себе, о всаднице матраса.
Я был не лишним ртом, но лишним языком;
подспудным грызуном словарного запаса.

Теперь в твоих глазах амбарного кота,
хранившего зерно от порчи и урона,
читается печаль, дремавшая тогда,
когда за мной гналась секира фараона.

С чего бы это вдруг? Серебряный висок?
Оскомина во рту от сладостей восточных?
Потусторонний звук? Но то шуршит песок,
пустыни талисман, в моих часах песочных.

Помол его жесток, крупницы — тяжелы,
и кости в нем белей, чем просто перемыты.
Но лучше грызть его, чем губы от жары
облизывать в тени осевшей пирамиды.

16. Я БЫЛ

Я был только тем, чего
ты касалась ладонью,
над чем в глухую, воронью
ночь склоняла чело.

Я был лишь тем, что ты
там, внизу, различала:
смутный облик сначала,
много позже — черты.

Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.

Это ты, тербя
штору, в сырую полость
рта вложила мне голос,
окликавший тебя.

Я был попросту слеп.
Ты, возникая, прячась,
даровала мне зрячесть.
Так оставляют след.

Так творятся миры.
Так, сотворив, их часто
оставляют возвращаться,
расточая дары.

Так, бросаем то в жар,
то в холод, то в свет, то в темень,
в мирозданье потерян,
кружится шар.

17. ОТ РАЯ К АДУ

Одним огнем порождены
две длинных тени.
Две области поражены
теньями теми.

Одна – она бежит отсель
сквозь бездорожье
за жизнь мою, за колыбель,
за царство Божье.

Другая – поспешает вдаль,
летит за тучей
за жизнь твою, за календарь,
за мир грядущий.

Да, этот язычок огня, -
он род причала:
конец дороги для меня,
твоей – начало.

Да, станция. Но погляди
(мне лестно):
не будь ее, моей ладьи,
твоя б – ни с места.

Тебя он за грядою туч
найдет, окликнет.

Чем дальше ты, тем дальше луч
и тень – проникнет.

Тебя, пусть впереди темно,
пусть, ты незрима,
пусть слабо он осветит,
но неповторимо.

Так, шествуя отсюда в темь,
но без тревоги,
ты свет мой превращаешь в тень
на полдороге.

В отместку потрясти дозволю
твой мир – полярный –
лицом во тьме и тенью столь,
столь лучезарной.

Огонь, предпочитая сам
смерть – запустению,
все чаще шарит по лесам
моею тенью.

Все шарит он, и, что ни день,
доступней взгляду,
как мечется не мозг, а тень
от рая к аду.

18. В ТЕМНОТЕ

Я всегда твердил, что судьба — игра.
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Что готический стиль победит, как школа,
как способность торчать, избежав укола.
Я сижу у окна. За окном осина.
Я любил немногих. Однако — сильно.

Я считал, что лес — только часть полена.
Что зачем вся дева, раз есть колено.
Что, устав от поднятой веком пыли,
русский глаз отдохнет на эстонском шпиле.
Я сижу у окна. Я помыл посуду.
Я был счастлив здесь, и уже не буду.

Я писал, что в лампочке — ужас пола.
Что любовь, как акт, лишена глагола.
Что не знал Эвклид, что, сходя на конус,
вещь обретает не ноль, но Хронос.
Я сижу у окна. Вспоминаю юность.
Улыбнусь порою, порой отплюнусь.

Я сказал, что лист разрушает почку.
И что семя, упавши в дурную почву,
не дает побега; что луг с поляной

есть пример рукоблудья, в Природе данный.
Я сижу у окна, обхватив колени,
в обществе собственной грузной тени.

Моя песня была лишена мотива,
но зато ее хором не спеть. Не диво,
что в награду мне за такие речи
своих ног никто не кладет на плечи.
Я сижу у окна в темноте; как скорый,
море гремит за волнистой шторой.

Гражданин второсортной эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли, и дням грядущим
я дарю их как опыт борьбы с удушьем.
Я сижу в темноте. И она не хуже
в комнате, чем темнота снаружи.

19. ПОЧТИ ЭЛЕГИЯ

В былые дни и я переживал
холодный дождь под колоннадой Биржи.
И полагал, что это — Божий дар.
И, может быть, не ошибался. Был же
и я когда-то счастлив. Жил в плену
у ангелов. Ходил на вурдалаков.
Сбегавшую по лестнице одну
красавицу в парадном, как Иаков,
подстерегал. Куда-то навсегда
ушло все это. Спряталось. Однако
смотрю в окно и, написав «куда»,
не ставлю вопросительного знака.
Теперь сентябрь. Передо мною — сад.
Далекий гром закладывает уши.
В густой листве налившиеся груши
как мужеские признаки висят.
И только ливень в дремлющий мой ум,
как в кухню дальних родственников — скаред,
мой слух об эту пору пропускает:
не музыку еще, уже не шум.

20. Я ДОБЫЧА ТВОЯ

Осень выгоняет меня из парка,
сучит жидкую озимь и плетется за мной по пятам,
ударяется оземь шелудивым листом и, как Парка,
оплетает меня по рукам и портам паутиной дождя;
в небе прячется прялка кисеи этой жалкой,
и там гром гремит, как в руке пацана пробежавшего палка
по чугунным цветам.

Аполлон, отними у меня свою лиру, оставь мне ограду
и внеми мне вельми благосклонно: гармонию струн
заменяю — прими — неспособностью прутьев к разладу,
превращая твоё до-ре-ми в громовую руладу, как хороший Перун.

Полно петь о любви, пой об осени, старое горло!
 Лишь она свой шатер распростёрла над тобою,
 Струя ледяные свои бороздящие суглинок свёрла,
 пой же их и криви лысым теменем их острия,
 налетай и трави свою дичь, оголтелая свора!
 Я добыча твоя.

21. НОМИНАЛЬНО ПУСТЫННИК

Номинально пустынный,
 но в душе — скандалист,
 отдаёт за полтинник —
 за оранжевый лист —
 свои стружья и репья,
 все вериги — вразвес, —
 деревушки отрепья,
 благолепье небес.

Отыскав свою чашу,
 он, не чувствуя ног,
 устремляется в чашу,
 словно в шумный шинок,
 и потом, с разговенья,
 там горланит в глуши,
 обретая забвеньё
 и спасенье души.

На последнее золото
 прикупив синевы,
 осень в пятнах заката
 песнопевца листовы
 учит щедрой разлуке.
 Но тому — благодать —
 лишь чужбину за звуки,
 а не жизнь покидать.

22. СТРАХ

Вечером входишь в подъезд, и звук
 шагов тебе самому
 страшен настолько, что твой испуг
 одушевляет тьму.

Будь ты другим и имей черты
 другие, и, пряча дрожь,
 по лестнице шел бы такой как ты,
 ты б уже поднял нож.

Но здесь только ты; и когда с трудом
 ты двери своей достиг,
 ты хлопаешь ею — и в грохоте том
 твой предательский крик.

23. НЕ БУДЬ ДУРАКОМ!

Не выходи из комнаты, не совершай ошибку.
 Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?
 За дверью бессмысленно всё, особенно — возглас счастья.
 Только в уборную — и сразу же возвращайся.

О, не выходи из комнаты, не вызывай мотора.
 Потому что пространство сделано из коридора
 и кончается счетчиком. А если войдет живая
 милка, пасть разевая, выгони не раздевая.

Не выходи из комнаты; считай, что тебя продуло.
 Что интересней на свете стены и стула?
 Зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером
 таким же, каким ты был, тем более — изувеченным?

О, не выходи из комнаты. Танцуй, поймав, боссанову
 в пальто на голое тело, в туфлях на босу ногу.
 В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной.
 Ты написал много букв; еще одна будет лишней.

Не выходи из комнаты. О, пускай только комната
 догадывается, как ты выглядишь. И вообще инкогнито
 эрго сум, как заметила форме в сердцах субстанция.
 Не выходи из комнаты! На улице, чай, не Франция.

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были.
 Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели,
 слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся
 шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

24. ПОЙ ЖЕ, ПОЭТ

Не тишина — немота.
 Усталость и ломота:
 голова, голова болит.
 Ветер в листве.
 Ветер волосы шевелит
 на больной голове.

Пой же, поэт,
 новой зимы приход.
 Без ревности, без
 боли, пой на ходу,
 ибо время в обрез,
 белизну, наготу.

Пой же, поэт,
 тело зимы, коль нет
 другого в избе.
 Зима мила и бела.
 Но нельзя догола
 раздеваться тебе.

25. ЭЛЕГИЯ-2

Издержки духа — выкрики ума
и логика, — вы равно хороши,
когда опять белесая зима
бредет в полях безмолвнее души.

О чем тогда я думаю один,
зачем гляжу ей пристально вослед.
На этот раз декабрь предвосхитил
ее февральских оттепелей свет.

Какие предстоят нам холода.
Но, обогреты давностями, мы
не помним, как нисходят города
на тягостные выдохи зимы.

Безумные и злобные поля!
Безумна и безмерна тишина их.
То не покой, то темная земля
об облике ином напоминает.

Какой-то ужас в этой белизне.
И вижу я, что жизнь идет как вызов
бесславию, упавшему извне
на эту неосознанную близость.